

тий: „Кто изречет оная хулы, идый сии сквернии человецы Аввакум и Астомен, изрыгаша, и какова чадения, сиречь угару, прежде в России, потом и в сибирской сей стране не исполниша“.¹

Биограф Игнатия высказал предположение, что слово „армянин“ не следует понимать в прямом смысле. Игнатий принадлежал к старорусской партии и ревниво оберегал чистоту русской православной веры. В своих посланиях он говорил: „Заблуждение раскольников происходит от армян, появившихся в России в царствование Иоанна Васильевича Грозного и распространивших свое учение о двуперстном крестном знамении; поэтому он [Игнатий] называет и самих раскольников армянами или полуармянами, а раскол — армянскою, или полуармянскою, ересью“.²

Учитывая условность терминологии в полемических речах русских церковников, можно допустить, что Игнатий употребил слово „армянин“ в отношении Истомина не в прямом значении, а как чисто полемическую формулу, чтобы указать на враждебность Истомина вероучению русской православной церкви. Но тогда возникает вопрос: почему же в иных случаях ни тобольский митрополит, ни другие не называют никого из своих идейных врагов „армянами“? Скорее всего Иосиф Истомин действительно был по происхождению армянином и являлся выходцем из казанской или московской колонии.

Еще в конце прошлого века исследователи обратили внимание на русско-армянские фольклорные связи. В частности, проф. Г. А. Халатьянцем были отмечены некоторые сходные черты между русским богатырским эпосом и „Давидом Сасунским“.³ В повести о Бове Королевиче, как было указано уже в научной литературе, фигурирует приморское „Орменское“ или „Арменское царство“ Зензевея. Трудно говорить об исторической основе сказочного сюжета повести, тем не менее, проф. А. М. Меликсет-Бек высказал предположение, что речь идет об армянском Киликийском царстве.⁴

Первые известные нам сведения о русском языке и письме в армянской литературе имеются в памятнике XII—XIII в., под заглавием „Воскепорик (Златочрев)“.⁵

Благодаря исследованиям выдающегося филолога, известного армяниста Н. О. Эмина еще в конце прошлого века был установлен самый ранний факт литературного общения между армянами и Россией.⁶ Мы имеем в виду армянский пересказ русского сказания о Борисе и Глебе — „Сказание о святых Романи и Давиде“. Памятник датируется XIII веком и входит в армянские Четы-Миней — „Йайсм-авурк“, что означает „в сей день“.

Выдвигая прежде всего вопрос: „как вошло русское сказание в армянские Миней?“, — Н. О. Эмин предлагает обратить внимание на заключительные строки армянского текста, вставленные, вероятно, самим переводчиком: „Много других совершенно чудес этими святыми (т. е. Романом и Давидом), и они записаны в пространной их

¹ Пермская летопись, стр. 512.

² Русский биографический словарь, т. VII, СПб., 1897, стр. 48. — Здесь же Иосиф Истомин назван „казанским чернецом“.

³ Г. Халатьянц. Давид Сасунский. Образчик армянского народного эпоса. В сб.: Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. Изд. 2-е. М., 1898, стр. 66.

⁴ А. М. Меликсет-Бек. ук. соч., стр. 108.

⁵ Собрание армянских рукописей Венецианских мхитаристов. № 258/752. См.-А. М. Меликсет-Бек. ук., соч. стр. 119.

⁶ Сказание о святых Романи и Давиде. По армянским Четым-Минейам. В кн.: Переводы и статьи Н. О. Эмина по духовной армянской литературе (за 1859—1882 гг.): апокрифы, жития, слова и др. М., 1897, стр. 150—155.